
ПРАКТИКИ СБОРА И АНАЛИЗА ФОРМАЛИЗОВАННЫХ ДАННЫХ

Н.В. Большаков, В.В. Колесников
(Москва)

ОПРОС ГЛУХИХ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Запрос на формирование инклюзивного общества со стороны государства, населения и различных организаций ставит перед исследователями задачу изучения представителей разных социальных групп, в том числе уникальных по своим когнитивным и коммуникативным характеристикам. Одной из таких групп являются глухие и слабослышащие, значительно отличающиеся от остальных людей с инвалидностью по культурным и языковым основаниям. Данная статья посвящена рассмотрению трудностей, с которыми сталкиваются социологи при интервьюировании глухих и слабослышащих. Авторы рассматривают основные когнитивные и коммуникативные особенности данной группы,

Никита Викторович Большаков – старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: nbolshakov@hse.ru.

Владислав Владимирович Колесников – куратор программ доступности Государственного исторического музея, педагог дополнительного образования Специальной (коррекционной) общеобразовательной школы-интерната г. Москвы № 52. E-mail: kolesnikovvv@shm.ru.

Статья подготовлена в результате проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

оказывающие влияние на ход интервью, роль жестового языка в восприятии социологического опроса (в том числе в письменной форме), анализируют специфику вопросно-ответной коммуникации с глухими респондентами, которая заключается, в первую очередь, в затрудненном семантическом и контекстуальном понимании вопросов, а также описывают специфику восприятия информации респондентами с нарушениями слуха с использованием конкретных примеров из исследовательской практики. На основании экспертных интервью и методической рефлексии результатов нескольких эмпирических исследований авторы предлагают возможные пути повышения качества коммуникации между слышащим исследователем и глухим респондентом, а также увеличения валидности получаемых в ходе опроса данных.

Ключевые слова: коммуникация, глухие, жестовый язык, методология опроса, социология инвалидности.

Постановка исследовательской задачи

Социальный подход к восприятию инвалидности, ставший наиболее распространенным в последние несколько десятков лет в контексте ратификации в Российской Федерации Конвенции о правах инвалидов и актуализации общего тренда на гуманизацию отношений, позволяет по-новому осмыслить функцию социолога в современном обществе. Если инвалидность – это не столько болезнь (как предполагалось в рамках медицинской концепции), сколько социальный конструкт, формируемый в ходе реализации социальной и экономической политики, развития общественных отношений и медицинского знания [1], то особую роль начинают играть методы исследования, позволяющие анализировать контекст, в котором инвалидность формируется. Это становится возможным благодаря обращению к социологии, которая не только позволяет осмыслить понятие инвалидности в новом контексте, но и предлагает инструментарий для эмпирического анализа

процессов социальной, трудовой, культурной адаптации людей с инвалидностью. Однако объединение людей с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, с ментальными особенностями и т.д. в крупную категорию «люди с инвалидностью» в процессе их изучения может приводить к ошибкам: коммуникация с каждой из этих групп обладает своей спецификой и требует методического осмысления для увеличения качества получаемых в ходе опроса данных.

В данной статье мы обратимся к рассмотрению одной из таких групп – глухих и слабослышащих – и на основании исследовательского опыта попробуем ответить на вопрос, как когнитивные и коммуникативные особенности людей данной группы определяют их восприятие формализованного социологического опроса, какую роль в данном процессе играет жестовый язык, а также предложим некоторые способы преодоления коммуникативных барьеров между исследователем и глухим респондентом. Важно отметить, что адресатами статьи являются скорее слышащие социологи, не являющиеся представителями изучаемой группы и находящиеся во время исследования по отношению к глухим в статусе «чужаков». Более подробно про различия в статусах глухого и слышащего исследователя можно прочитать в работах западных авторов, рассматривающих, в том числе, возможности и ограничения совместной работы слышащих и глухих исследователей [2; 3; 4; 5].

Глухие и слабослышащие в социологическом исследовании

На сегодняшний день, по данным Росстата, в России насчитывается до 200 тыс. глухих и слабослышащих, а каждый год инвалидами по слуху признаются около 40 тыс. взрослых и детей [6, с. 80–81]. Несмотря на то что в последние годы специализированных исследований этой группы в нашей стране не проводилось, а си-

стема статистики инвалидности устроена таким образом, что вся информация является малодоступной как для исследователей, так и для профильных организаций [7, с. 248], и давать точные оценки количеству слабослышащих и глухих в нашей стране не представляется возможным, очевидно, что численность глухих россиян позволяет считать их статистически значимой группой. Кроме того, из-за своего особого социального положения (наличие инвалидности и в то же время обособленность от других категорий населения) глухие и слабослышащие часто попадают в фокус исследовательского интереса. Исходным материалом для статьи стали два исследования. Первое из них было посвящено анализу культурного потребления сообщества глухих и представляло собой опрос глухой и слабослышащей молодежи, проживающей в Москве. Опрос проводился в 2015 г., в число респондентов вошли 148 глухих и слабослышащих молодых людей в возрасте 18–30 лет [8]. Фокус второго исследования, в ходе которого было опрошено 187 глухих и слабослышащих, а также взято 17 интервью с целевой группой, был направлен на изучение профессионального выбора глухих и слабослышащих учащихся колледжей и ПТУ из разных регионов России. Период сбора данных пришелся на 2016–2018 гг. [9]. Респондентами в ходе указанных опросов выступили глухие и слабослышащие с разной степенью потери слуха, имеющие и не имеющие инвалидность, а также владеющие и не владеющие жестовым языком. Примеры вопросов, представленные в тексте данной статьи, также были взяты из указанных исследований.

Дополнительно оба исследования сопровождалось экспертными интервью, направленными на оценку когнитивных и коммуникативных особенностей глухих и слабослышащих, потенциально оказывающих влияние на ход опроса. В качестве экспертов выступили специалисты по жестовому языку, дефектологи, педагоги, работающие с представителями данной группы, социологи, имеющие опыт опроса респондентов с нарушениями слуха, а также представители сообщества глухих – носители жестового языка. Всего было собрано

11 экспертных интервью, семь в ходе первого исследования и четыре в ходе второго, позволивших разработать рекомендации по опросу глухих и слабослышащих, которые были апробированы в ходе сбора эмпирической информации в рамках двух указанных исследований.

Приступая к разработке опросного инструмента для глухих и слабослышащих, социолог сталкивается в первую очередь с тем, что, несмотря на наличие в современной российской социологии ряда исследований, объектом которых являются люди с инвалидностью по слуху (чаще всего, как уже было отмечено выше, в числе других людей с инвалидностью) (см., например: [10; 11; 12; 13; 14]), в литературе практически не освещен вопрос о том, как нужно проводить исследования с глухими респондентами, какие существуют ограничения и пути их преодоления. В социологических работах отсутствует дискуссия о том, требует ли данный специфический эмпирический объект каких-либо изменений опросного инструмента и особых методик сбора данных, в то время как, например, в дефектологическом сообществе регулярно обсуждаются лингвистические, культурные и когнитивные особенности людей с нарушениями слуха, а также их способность воспринимать не только устную, но и письменную речь (см., например: [15; 16; 17; 18]), что объясняется, в первую очередь, использованием в общении жестового языка, нормы и структуры построения предложений в котором зачастую отличаются от принятых в русском языке. В связи с этим коммуникация между исследователем и глухим респондентом обладает определенной спецификой, обязательной к рассмотрению при планировании дизайна исследования и разработке опросного инструментария.

Специфика контекстуального понимания в ходе коммуникации с глухими респондентами

Как известно, в современной исследовательской практике индивиды воспринимаются не как изолированные единицы, отве-

чающие на вопросы исследователя исходя только из собственных представлений о действительности, но как активные агенты, помещенные в определенный социальный контекст, в котором формируются их суждения [19; 20; 21]. Интервью (в любой его форме) в таком случае представляет собой акт коммуникации между исследователем и респондентом, а потому именно коммуникативные аспекты обязательно должны приниматься во внимание, в особенности когда речь идет о работе с респондентами, обладающими когнитивной и языковой спецификой.

В ходе ответа на любой вопрос респондент решает несколько последовательных задач: начиная от интерпретации вопроса и заканчивая артикуляцией появившегося в процессе ответа [22, с. 19–20]. Респондент осуществляет поиск необходимой информации, формирует мнение, вспоминает необходимые ситуации или соответствующее поведение в рамках своего опыта и т.д. Индивидуальная специфика может приводить к определенному смещению в ответах на каждом из данных этапов, однако основная трудность заключается в том, чтобы определить, одинаково ли исследователь и респондент понимают задаваемые вопросы [23, с. 70]. То, насколько точно люди понимают вопросы исследователя, по мнению психологов и социологов [21; 24; 25], зависит, во-первых, от контекстуального понимания, а во-вторых, от семантического понимания. Первый процесс подчеркивает роль контекста и цели задавания вопроса, которые позволяют респонденту понять, чего именно от него ожидает исследователь, а второй подразумевает необходимость устранения неоднозначных и непонятных респонденту слов и формулировок, наличие которых увеличивает вероятность ошибочной интерпретации. В работе с глухими и слабослышащими именно данные процессы представляют максимальную трудность по ряду причин, на рассмотрении которых необходимо остановиться более подробно.

Интерпретация вопроса зависит в первую очередь от того контекста, в которое он помещен. Роль контекста особенно важна в случаях, когда в вопросе встречаются незнакомые респонденту или

многозначные слова, и если глухой или слабослышащий будет знаком с контекстом, то у него появится возможность домыслить непонятное слово исходя из того, о чем шла речь ранее. Важно, что значение контекста не ограничивается только помощью в интерпретации смысла слов. Когда объектом исследования являются глухие и слабослышащие респонденты, особую роль начинают играть не только значение конкретного вопроса, но и смыслы, которыми наделяется все исследование и, в первую очередь, понимание самой глухоты.

Подобные эпистемологические вопросы необходимо интерпретировать в контексте существования разных моделей глухоты. В рамках традиционной медицинской модели глухие рассматриваются как больные девианты, отклоняющиеся от слышащей нормы и подлежащие лечению [3, с. 115–120]. Социальная модель объясняет особое положение глухих и слабослышащих не столько характеристиками физического тела, сколько социальным определением пространства и подразумевает поиск путей преодоления изоляции и стимулирования независимости людей с инвалидностью [26]. Третья модель глухоты – культурная, появившаяся в результате признания жестового языка самостоятельной лингвистической системой и средством борьбы представителей сообщества за свои права, – определяет глухих как особую культурную группу, фокусируя внимание не на нарушении слуха, а на образе жизни: что значит быть глухим.

Таким образом, медицинская модель подразумевает, что «быть глухим» – это отклонение от «нормального» состояния человека, то есть реальность может поддаваться непосредственному измерению [27]. Такая позиция, названная «стандартной эпистемологией» [28], подразумевает, что глухота является только биофизическим фактом и позиция исследователя не играет роли с точки зрения изучения объекта. Противоположная позиция требует от исследователя признания уникальности опыта «глухого» восприятия мира и большего вовлечения в понимание того, что представляет собой глухота. Т. Холкомб [28] назвал данный исследовательский взгляд «глухой эпистемологией», или даже

эпистемологиями [29], так как он включает различные подходы, объединенные вниманием к тому, что значит *быть глухим* и видеть окружающую реальность «как глухой» [30].

То, каких взглядов придерживается исследователь, заставляет его не только выбирать для анализа определенные феномены, но и по-разному интерпретировать термины, поэтому необходимо принимать во внимание концептуальные различия в понимании того, что значит «быть глухим» и как конструируется понятие глухоты [31]. Глухота для глухого человека, выросшего в семье глухих, значит намного больше, нежели для позднооглохшего взрослого, который никогда не был связан с сообществом глухих. Подобные различия в концептуальном восприятии недостатка слуха приводят к тому, что глухие и слабослышащие респонденты могут по-разному интерпретировать любые вопросы: то, что для одних является препятствием и барьером, другие будут воспринимать как свою особенность и повод для гордости.

Как результат, используемая в ходе исследования терминология может неоднозначно или неверно трактоваться респондентами. С точки зрения медицинской модели не кажется странным или дискриминирующим обращение к глухим с использованием терминов «нарушение слуха», «недостаток слуха», однако многие глухие, придерживающиеся альтернативных взглядов на глухоту, могут воспринять такие слова унижительными [32] при их использовании в свой адрес за пределами стен медицинских учреждений, так как термин «нарушение слуха» акцентирует внимание на «нарушении», «поломке», отклонении глухих от слышащей нормы, что может привести к серьезным смещениям в ответах респондентов. Тогда как, например, для позднооглохших и не включенных в сообщество глухих термин «люди с нарушениями слуха» как раз будет приемлем для глухого респондента [27, с. 11]. Исследователь должен четко понимать, кто именно является объектом исследования в конкретном случае, кто будет заполнять анкету, а также осознавать контекст, в который помещен каждый

вопрос, и, исходя из этого, выбирать, в частности, тот или иной лексический набор. Обратимся к примеру, размещенному ниже. Вопрос 1 апеллирует скорее к медицинской модели, а потому в его формулировке может использоваться термин «потеря слуха», тогда как второй вопрос однозначно обращается к культурной модели и требует использования соответствующей терминологии.

Вопрос 1. «Какая у вас степень потери слуха?»

Вопрос 2. «Как часто вы читаете газеты и журналы о жизни глухих? («В едином строю», «Мир глухих» и т.д.)?»¹

В целом если при общении не с членами изучаемой группы кажется более корректным заменять термин «глухие» на «люди с нарушениями слуха» или «люди с инвалидностью по слуху», то при непосредственном общении с представителями сообщества глухих не стоит опасаться употреблять термин «глухие», так как, во-первых, он является основой культурной идентичности данной группы («наличие глухоты» вместо «отсутствия слуха»), а во-вторых, он широко используется людьми с нарушенным слухом для самоидентификации. Для обозначения людей с частичной потерей слуха принято использовать термин «слабослышащие».

Трудности семантического понимания в опросе глухих

Уровень семантического понимания вопросов связан с лексической или структурной неопределенностью конкретных слов или формулировок, поэтому все исследователи стараются избегать неоднозначных терминов при составлении опросных инструментов. В то же время принято считать, что «на уровне восприятия письменных текстов распознавание слов относительно независимо

¹ Примеры вопросов из исследования на тему культурного потребления сообщества глухих 2015 г.

от контекста» [23, с. 83], а потому заполнение анкетного опросника для глухих и слабослышащих респондентов не должно вызывать особых трудностей. Часто предполагается, что бумажные анкеты могут быть доступны глухим по причине того, что не требуют слухового восприятия. Однако это не совсем верно, так как средством общения людей с нарушениями слуха выступает жестовый язык, который оказывает непосредственное влияние на семантическое понимание вопросов респондентами.

На сегодняшний день лингвисты и дефектологи, занимающиеся изучением жестового языка, выделяют две его основные формы: калькирующая жестовая речь (КЖР) и русский жестовый язык (РЖЯ). КЖР просто сопровождает устную речь говорящего: «жесты в КЖР выступают как эквиваленты слов, а порядок их следования соответствует расположению слов в обычном предложении» [33]. Данная форма не имеет собственной грамматики и копирует структуру устного языка, поэтому для того чтобы понимать калькирующую жестовую речь необходимо в достаточной мере владеть грамматикой русского языка. В этом ее принципиальное отличие от второй формы – РЖЯ, который представляет собой своеобразную лингвистическую систему с собственной лексикой и грамматикой, значительно отличающимися от норм письменного русского языка. В сравнении с русским языком в его письменной форме РЖЯ может показаться аграмматичным. В нем отсутствуют падежи, склонения и окончания, а времена и предлоги зачастую выстраиваются по правилам, которые не совпадают с правилами письменной или устной речи. Предложения и отдельные фразы в РЖЯ также строятся по особым законам, что заметно затрудняет коммуникацию исследователя и глухого респондента, использующего в повседневном общении преимущественно РЖЯ. При этом проблемы понимания письменного текста универсальны для носителей жестового языка, и западные исследователи часто говорят о том, что глухота является очень серьезным ограничением для развития грамотности [34; 35].

Как правило, на калькирующей жестовой речи общаются «грамотные» глухие, которые хорошо владеют письменным русским языком, тогда как для остальных данная форма жестового языка может оказаться недоступной [15]. Под «грамотными» глухими при этом подразумеваются люди с нарушениями слуха, которые владеют русским языком в его письменной форме. К категории глухих, общающихся на РЖЯ и испытывающих затруднение при понимании письменной речи, принадлежат люди, во-первых, выросшие в семьях глухих и привыкшие с детства общаться на РЖЯ, а во-вторых, обучавшиеся в специализированных школах и интернатах, то есть в среде, где регулярно ведется общение на жестовом языке. Все это в совокупности с серьезными проблемами в системе образования [36] приводит к тому, что привычная большинству респондентов письменная речь оказывается недоступной для части глухих и слабослышащих, что требует серьезной предварительной работы с опросным инструментом.

Кроме того, важно отметить, что на протяжении большей части XX в. на территории нашей страны жестовый язык не имел государственного признания и формировался «подпольно» и неофициально, что привело к формированию диалектов жестового языка, а также путанице и разночтениям, затрудняющим поиск универсальных переводческих решений. В связи с этим многие слова могут быть знакомы глухим, однако теряют свой первоначальный смысл. А.Е. Харламенков [37] приводит в качестве примера слово «плюрализм», которое расценивается глухими на основе графически знакомой части слова, созвучной со словом «плюнуть», а потому переводится с помощью жеста «плевать», что влечет за собой полную потерю смысловой нагрузки. Точно так же слово «пролетариат» у части глухих будет ассоциироваться с пролетом (полетом), а вовсе не с названием социального класса; «услуга» многими глухими интерпретируется как «слуга»; «долговязый» как «долго вязать», а «уголовное дело» семантически будет восприниматься, как связанное с углом, и т.д. В то же время

из-за наличия определенных жестов к каждому значению многие термины, которые в устной речи подразумевают лексическую или структурную многозначность, в жестовом языке имеют лишь один конкретный по смыслу жест: так, «фокус» – это то, что делает фокусник, «роль» – это то, что играет актер, «работа» – значит «делать руками и заработать деньги», а «в рамках» – значит «обрамленный». С одной стороны, это позволяет избежать проблему разнообразия лексических значений одного и того же вопроса, а с другой – неверный выбор термина способен усугубить ситуацию взаимного непонимания между исследователем и респондентом.

Другую категорию составляют слова, которые в обычной речи не принято относить к категории трудных, но по причине того, что в жестовом языке отсутствуют жесты, соответствующие данным словам, их понимание может быть очень сильно затруднено. В частности, к числу таких слов относятся слова «событие», «суждение», «владеете», «толерантность», которые оказались недоступны для глухих, использовавших жестовый язык во время проведения авторами исследований, что требует подбора синонимов, обозначающихся соответствующими жестами. В качестве неочевидного примера сложных слов можно привести слово «пол» – отсутствие соответствующих жестов (смысл слова, как правило, передается с помощью вопросительного сочетания жестов «мужчина»/«женщина») приводит к тому, что некоторые глухие и слабослышащие, в особенности дети, могут не понимать его значения.

При этом задача формулирования вопросов в анкете для глухих и слабослышащих заключается в поиске золотой середины между корректным с точки зрения русского языка и исследовательской методологии вариантом и его наиболее доступной (приближенной к логике жестового языка) альтернативой. Например, как это было сделано при формулировании вопроса 3.

Вопрос 3.

Исходная формулировка: «Чем вы руководствуетесь при выборе досуга?»

Финальная формулировка: «Если вы думаете, как отдохнуть, что вы выберете?»¹

В целом при создании опросного инструмента для количественного исследования необходимо всегда придерживаться правила максимальной простоты, а также важно использовать простые предложения с прямым порядком слов. То есть вопросы, вступления и иные элементы анкеты не должны содержать сложных грамматических конструкций с обособлениями, причинно-следственными связями, причастными и деепричастными оборотами и иными формулировками, затрудняющими понимание написанного и потенциально вызывающими искажение смысла, например, как это было сделано при формулировании вопроса 4.

Вопрос 4.

Исходная формулировка: «Укажите специальность, получаемую вами в настоящий момент»

Финальная формулировка: «На какую профессию вы сейчас учитесь?»²

Важно понимать, что глухие и слабослышащие живут в «визуальной реальности» [38] с доминирующим визуальным восприятием и наглядно-образным мышлением [39], следствием чего становится иной способ восприятия информации, нежели у слышащих, поэтому особую роль в процессе исследования приобретает демонстрация наглядных материалов, что особенно актуально в исследованиях, в которых фигурируют различные бренды, имена и названия. Это обусловлено также и наличием диалектов в жестовом языке: например, название социальной сети «Фейсбук» в разных регионах имеет разные жестовые эквиваленты, а зачастую

¹ Пример вопроса из исследования на тему культурного потребления сообщества глухих 2015 г.

² Пример вопроса из исследования на тему профессионального выбора глухих и слабослышащих 2016–2018 г.

может дактилироваться/писаться как «фасебоок», что делает недоступными для понимания привычные для слышащих понятия и затрудняет коммуникацию с глухим респондентом.

В вопросы нельзя включать слова и выражения, смысл которых может быть искажен при трактовке или понимание значения которых требует определенного предварительного знания, а любая инструкция, в частности, в случае использования нестандартных методик или дополнительных материалов, должна быть составлена как можно более детально, по пунктам, учитывая особенности мышления людей с нарушениями слуха. Имеется в виду, что все традиционные формулировки («обведите», «выберите» и т.д.) должны быть раскрыты как можно более подробно, как это сделано, например, в вопросе 5.

Вопрос 5: «Посмотрите на список мероприятий: концерты, спектакли, праздники, экскурсии и т.д. Вспомните прошедший год. Сколько раз вы были на этих мероприятиях?»

1= «Ни разу»

2= «1–2 раза в год»

3= «3–5 раз в год»

4= «Почти каждый месяц»

5= «Почти каждую неделю»

6= «Почти каждый день»

7= «Затрудняюсь ответить»¹

Отдельную трудность в данном контексте представляют сравнительные исследования, которые должны быть одновременно доступны как людям с нарушениями слуха, так и без. Несмотря на все трудности в интерпретации различных терминов, вопросы должны трактоваться одинаково как глухими, так и слышащими респондентами². В таких случаях особое внимание стоит уделять

¹ Пример вопроса из исследования на тему культурного потребления сообщества глухих 2015 г.

² В качестве примера можно обратиться к вопросу 3.

пилотажу исследования, а также следует привлекать нескольких переводчиков жестового языка для осуществления прямого и обратного перевода [40].

Обратный перевод может быть затруднителен даже в случае, если респондентам предлагается заполнить анкетный опросник. Учитывая, что лексическая и грамматическая структура предложений в жестовом языке отлична от норм привычного для нас устного и письменного русского языка, к интерпретации ответов на открытые вопросы необходимо привлекать людей, владеющих жестовым языком, так как формулировки, используемые людьми с нарушенным слухом в письменной речи, могут быть неверно или неоднозначно восприняты. Например, термин «хозяйница» на самом деле обозначает «домохозяйка»; «хуже совсем нету» обозначает «лучше, чем ничего», а «земляника» может означать в ответах глухих «землячку», то есть уроженку одной с кем-либо местности и т.д. Низкий уровень грамотности респондентов, о котором шла речь выше, требует дополнительной гарантии того, что написанный текст будет адекватно интерпретироваться исследователем [34].

Конечно, использование жестового языка может служить более эффективным способом донесения информации и получения информированного согласия, а также сигналом того, что исследователь признает лингвистические особенности и культурную идентичность респондента [27, с. 58], однако это значительно усложняет дизайн исследования и не всегда реализуемо на практике. В то же время даже если исследователь является слышащим и не владеет жестовым языком, то донесение этого ограничения позволит респонденту понять, что интервьюер осознает все трудности общения и старается обеспечить с ним лучший контакт.

Общие правила коммуникации

В ходе опроса нам было также принципиально важно следовать базовым правилам коммуникации с глухими и слабослышащими.

Соблюдение данных правил позволило улучшить качество собираемой информации, в особенности когда речь шла о заполнении анкет с участием интервьюера, не владеющего жестовым языком. С одной стороны, многие люди даже с большой степенью потери слуха обладают сохранной речью и способны вести коммуникацию, например – воспринимать речь по губам или на слух. С другой стороны, необходимо помнить, что только 30–40% нашей речи доступны для чтения по губам (даже при условии идеальной артикуляции – не более 60% [41]), а индивидуальные возможности респондента в данном навыке могут сильно отличаться. Любое индивидуальное интервью должно проводиться в максимально уединенной обстановке, нежелательно присутствие в помещении посторонних лиц или одновременный разговор двух и более человек. Необходимо избегать любых внешних шумов, звуков и т.д.

При общении с глухим или слабослышащим респондентом нельзя разговаривать слишком тихо, но и ни в коем случае интервьюер не должен переходить на крик или повышать голос, так как слишком громкие звуки и крик могут вызывать у глухого человека болезненные ощущения [42]. Кроме того, сами люди с нарушенным слухом отмечают, что повышение голоса или крик воспринимаются ими как выражение агрессии во многом потому, что неконтролируемо изменяется выражение лица говорящего, что может оттолкнуть информанта и вызвать потерю доверия к интервьюеру. Те же правила касаются и темпа речи. У респондента не должно сложиться впечатление, что интервьюер общается с ним, как с ребенком или с человеком, обладающим ментальными особенностями. Артикуляция должна быть четкой, но не утрированной. Стоит избегать чрезмерного проговаривания звуков, так как гиперартикуляция способна вызвать искажение понимания, а также зачастую негативно воспринимается глухими. При вербальном общении лицо (а особенно губы) говорящего должно быть зрительно доступно человеку с нарушенным слухом, голова не должна быть опущена вниз или закрыта руками, волосы

должны быть убраны и т.д. Кроме того, интервьюер не должен лишний раз поднимать руки, так как глухой или слабослышащий человек будет по привычке отвлекаться на руки, предполагая, что интервьюер хочет что-то сказать на жестовом языке. Зачастую глухие и слабослышащие ввиду своих сенсорных особенностей не способны улавливать интонацию, с которой интервьюер произносит тот или иной вопрос, слово или выражение, что напрямую приводит к недопониманию, поэтому стоит избегать в общении выражений, значение которых зависит от интонации, с которой они произносятся.

В случае, если глухой или слабослышащий респондент не расслышал вопрос, не нужно переформулировать его другими словами. Интервьюер должен сначала повторить тот же самый вопрос в той же формулировке еще раз и только после этого уже упрощать формулировку заданного вопроса, если повторение не даст результата. Кроме того, необходимо следить за тем, точно ли глухой или слабослышащий человек, заполняющий анкету, понимает вопросы и не выглядит ли он потерянным. В случае, если возникают сомнения, что информант верно понимает интервьюера, будет корректно задать уточняющий вопрос, чтобы, отвечая на него, респондент показал понимание формулировки.

Наконец, в случае индивидуального интервью, исследователь должен быть заранее уверен, что сможет понимать речь глухого или слабослышащего человека. Во-первых, людям с нарушенным слухом свойственны изменения голоса, его тембра, высоты, громкости и т.д. Во-вторых, даже у слабослышащих с небольшой потерей слуха могут встречаться ошибки в ударениях, окончаниях слов, произношении тех или иных звуков, нарушения порядка слов в предложениях. Если интервью ведется через переводчика, всегда нужно обращаться непосредственно к глухому или слабослышащему, а не к его сопровождающему. Наконец, чтобы гарантировать честность ответов, необходимо привлекать переводчика, с которым не знаком сам респондент.

Заклочение

Трансформация взглядов на инвалидность, в том числе на глухоту, в последние несколько десятков лет привела к актуализации социологических исследований сообщества глухих. Развитие дисциплины *deaf studies*, а также возрастающая значимость культурных интерпретаций понятия глухоты на западе и в России требуют от исследователей рефлексии относительно используемых методов сбора и анализа информации о глухих. В то время как в рамках традиционных исследований глухие и слабослышащие изучались в числе других людей с инвалидностью, что подразумевало использование универсальных методик без внимания к уникальным особенностям данной группы, современные социологические исследования в рамках дисциплины помещают себя в контекст «глухих эпистемологий», требующих разработки уникального инструментария при изучении глухих и слабослышащих людей.

Актуальные социологические исследования глухих помещают в фокус внимания не глухоту как физиологическую особенность человека, а социальные, лингвистические и культурные основы принадлежности к группе. Для решения подобных задач требуется разработка специального методического инструмента, который, с одной стороны, будет доступным для восприятия глухими и слабослышащими респондентами, а с другой – сможет в полной мере отвечать запросу на изучение того, что значит «быть глухим».

Использование жестового языка представителями сообщества, восприятие собственной глухоты, особенности мышления глухих оказывают фундаментальное воздействие на дизайн, структуру и методы исследования. В такой ситуации опрос глухих и слабослышащих респондентов может оказаться серьезным вызовом для социолога, впервые столкнувшегося с подобной задачей: во внимание должны приниматься особенности семантического и контекстуального понимания, а также другие специфические характеристики данной группы, рассмотренные в статье. В настоя-

щий момент преждевременно говорить о возможности разработки универсальных инструментов изучения сообщества, так как исследователям предстоит ответить еще на целый ряд вопросов: как влияют новые технологии на возможности изучения глухих, станет ли использование видео и Интернета эффективным способом преодоления коммуникационного барьера между слышащим исследователем и глухим респондентом [27], какую роль в исследованиях могут сыграть партиципаторные исследовательские практики и включение глухих и слабослышащих в процесс разработки инструментария [43] и т.д. В то же время признание лингвистических и культурных особенностей глухих и слабослышащих, а также внимание к коммуникативным и когнитивным аспектам восприятия ими опросного инструмента должны способствовать улучшению качества собираемых данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 50–58.
2. Jones L., Pullen G. Cultural Differences: Deaf and Hearing Researchers Working Together // Disability, Handicap & Society. 1992. Vol. 7. № 2. P. 189–196.
3. Ladd P. Understanding Deaf Culture: In Search of Deafhood. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.
4. Temple B., Young A. Qualitative Research and Translation Dilemmas // Qualitative Research. 2004. Vol. 4. № 2. P. 161–178.
5. Young A., Ackerman J., Kyle J. Looking on: Deaf People and Organization of Services. Bristol: Policy Press, 1998.
6. Здоровоохранение в России 2017. Статистический сборник. М.: РОССТАТ, 2017.
7. Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / А.Я. Бурдяк [и др.]. М.: Дело; РАНХиГС, 2017.
8. Большаков Н.В., Астахова Н.В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 51–66.
9. Большаков Н.В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и слабослышащих // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 571–584.

10. Зозуля Т. Комплексная реабилитация инвалидов. М.: Academia, 2005.
11. Карпова Г. Инвалиды и культурная политика: проблемы доступности // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 74–80.
12. Наберушкина Э. Стратификационный анализ инвалидности: специальность: 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: дис. ... канд. социол. наук / Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина. Саратов, 1998.
13. Социологическое исследование проблем инвалидности и реабилитации инвалидов в Российской Федерации: анализ основных результатов исследования / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова, С. Вайтфилд, С. Келли. М., 2009.
14. Собкин В.С. Подросток с дефектом слуха: ценностные ориентации, жизненные планы, социальные связи: эмпирическое исследование. М.: Российская академия образования; Центр социологии образования, 1997.
15. Колесников В. К проблеме использования жестового языка в высшем гуманитарном образовании // Инновационные проблемы современного развития дефектологии: материалы межвузовской научной конференции. М.: Прометей, 2014. С. 13–16.
16. Петушок В. Понимание глухими детьми причин обусловленности эмоциональных состояний // Исследование личности детей с нарушениями слуха. М.: НИИ общей педагогики, 1981. С. 35–47.
17. Сняк В.А., Худельман М.М. Особенности психического развития глухого ребенка. М.: Просвещение, 1975.
18. Шиф Ж.И. Усвоение языка и развитие мышления у глухих детей. М.: Просвещение, 1968.
19. Forgas J.P. What Is Social about Social Cognition? // Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding / Ed. by J.P. Forgas. New York: Academic Press, 1981.
20. Schwarz N. Judgment in a Social Context: Biases, Shortcomings, and the Logic of Conversation // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 26. San Diego, CA: Academic Press, 1994. P. 123–162.
21. Schwarz N., Strack F. Social Cognition and Communication: Human Judgment in its Social Context // Social Cognition. 1991. Vol. 9. №. 1. P. 1.
22. Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента // Социологический журнал. 2000. №. 3–4. С. 18–68.
23. Садмен С. Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д.М. Рогозина, М.В. Рассохиной. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.
24. Clark H.H., Schober M.F. Asking Questions and Influencing Answers // Questions about Questions: Inquiries into the Cognitive Bases of Surveys / Ed. by J.M. Tanur. New York: Russell Sage Foundation, 1992. P. 15–48.

25. *Strack F.* Order Effects in Survey Research: Activation and Informative Functions of Preceding Questions // Context Effects in Social and Psychological Research / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. New York: Springer, 1992.
26. *Oliver M.* The Politics of Disablement: A Sociological Approach. London: Palgrave Macmillan, 1990.
27. *Young A., Temple B.* Approaches to Social Research: The Case of Deaf Studies. New York: Oxford Univ. Press, 2014.
28. *Holcomb T.K.* Deaf Epistemology: The Deaf Way of Knowing // American Annals of the Deaf. 2010. Vol. 154. №. 5. P. 471–478.
29. *Holcomb T.* Paving the Way for Reform in Deaf Education // Deaf Epistemologies: Multiple Perspectives on the Acquisition of Knowledge / Ed. by P. Paul, D. Moores. Washington: Gallaudet Univ. Press, 2012. P. 125–146.
30. *De Clerck G.A.M.* Deaf Epistemologies as a Critique and Alternative to the Practice of Science: An Anthropological Perspective // American Annals of the Deaf. 2010. Vol. 154. №. 5. P. 435–446.
31. *Young A., Hunt R.* Research with d/Deaf People. London: School for Social Care Research, 2011.
32. *Napier J.* The D/deaf–H/hearing Debate // Sign Language Studies. 2002. Vol. 2. №. 2. P. 141–149.
33. *Зайцева Г.Л.* Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2000.
34. *Mayer C.* What Really Matters in Early Literacy Development of Deaf Children? // Journal of Deaf Studies and Deaf Education. 2007. Vol. 12. №. 4. P. 411–431.
35. *Paul P.V.* Literacy and Deafness: The Development of Reading, Writing, and Literate Thought. Boston: Allyn and Bacon, 1998.
36. *Базов Б.З.* Билингвизм и образование глухих: современные тенденции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 4–2. С. 320–330.
37. *Харламенков А.Е.* Язык и менталитет: влияние жестового языка на менталитет глухих // Научные труды института непрерывного профессионального образования / Под ред. С.В. Чернова. М.: Изд-во Ин-та непрерывного профессионального образования, 2015. С. 191–217.
38. Deaf Epistemology: Deafhood and Deafness / P.C. Hauser [et al.] // American Annals of the Deaf. 2010. Vol. 154. №. 5. P. 486–492.
39. *Богданова Т.Г.* Сурдопсихология: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2002.
40. *Paarek U., Rao T.V.* Cross-cultural Surveying and Interviewing // Handbook of Cross-cultural Psychology. Vol. 6 / Ed. by H. Triandis, J.G. Draguns. Boston: Allyn & Bacon, 1980. P. 127–180.

41. *Варинова О.А.* Коммуникация с лицами с нарушением слуха // Психология безопасности. Психиатрия без опасности: сборник материалов Всероссийского форума специалистов помогающих профессий. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. С. 68–73.

42. *Денискина В.З., Соловьева Т.А., иеромонах Мелитон (Присада).* Инвалид в храме: помощь людям с проблемами слуха и зрения. М.: Лепта Книга, 2015.

43. A Community-participatory Approach to Adapting Survey Items for Deaf Individuals and American Sign Language / P. Graybill [et al.] // *Field Methods*. 2010. Vol. 22. №. 4. P. 429–448.

Bolshakov Nikita,

*National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
Moscow, nbolshakov@hse.ru*

Kolesnikov Vladislav,

*State Historical Museum, Moscow; School No. 52, Moscow,
kolesnikovvv@shm.ru*

The deaf in a sociological study: cognitive and communicative aspects

Development of an inclusive society challenges researchers to study representatives of various social groups, including those with unique cognitive and communicative characteristics. One of these groups is the deaf and hard of hearing, which differs significantly from other people with disabilities in cultural and linguistic aspects. This article deals with the difficulties that sociologists face interviewing the deaf and hard of hearing. The authors consider the main cognitive and communicative features of this group that influence the course of questioning, the role of sign language in the perception of a sociological survey (including in writing form), analyze the specifics of question-and-answer communication with deaf respondents, which consists, first of all, of a difficult semantic and contextual understanding of questions. The authors also describe the specifics of information perception by respondents with hearing impairments using specific examples from the researcher practice. Based on expert interviews and methodological reflections on the results of several empirical studies, the authors suggest possible ways to improve the quality of communication between the hearing researcher and the deaf respondent, as well as increase the validity of the data obtained during the survey.

Keywords: communication, deaf, sign language, survey methodology, disability studies

References

1. Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. “Disabled people and society: twenty years later” (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 2010, 9, 50–58.
2. Jones L., Pullen G. Cultural differences: Deaf and hearing researchers working together, *Disability, Handicap & Society*. 1992, 7 (2), 189–196.

3. Ladd P. *Understanding deaf culture: In search of deafhood*. Clevedon: Multilingual Matters, 2003.
4. Temple B., Young A. Qualitative research and translation dilemmas, *Qualitative research*, 2004, 4 (2), 161–178.
5. Young A., Ackerman J., Kyle J. *Looking on: Deaf people and the organization of services*. Bristol: Policy Press, 1998.
6. *Health in Russia 2017. Statistical Digest* (in Russian). Moscow: ROSSTAT, 2017.
7. Burdyak A. Ya. et al. *Disability and social status of disabled people in Russia* (in Russian). M.: Delo, RANHiGS, 2017.
8. Bolshakov N. V., Astahova N. V. Cultural consumption patterns among the deaf and hard of hearing: inclusion versus exclusion? (in Russian), *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noy Politiki (The Journal of Social Policy Studies)*, 2017, 15 (1), 51–66.
9. Bolshakov N. V. “The Non-deaf enjoy more opportunities”: the problems of professional education for deaf and hearing-impaired students” (in Russian), *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noy Politiki (The Journal of Social Policy Studies)*, 2019, 17 (4), 571–584.
10. Zozulya T. *Complex rehabilitation of disabled people* (in Russian). Moscow: Academia, 2005.
11. Karpova G. Disabled people and cultural policy: accessibility issues (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 2010, 10, 74–80.
12. Naberushkina E. *Disability stratification analysis* (in Russian). Dissertatsiya ... kandidata sociologicheskikh nauk: 22.00.04. Saratov, 1998.
13. Romanov P., Iarskaia-Smirnova E., Whitefield S., Kelly S. *A sociological study of the problems of disability and rehabilitation of persons with disabilities in the Russian Federation: analysis of the main results of the study* (in Russian). Moscow, 2009.
14. Sobkin V.S. *Hearing impaired teenager: value orientations, life plans, social connections: an empirical study* (in Russian). Moscow: Rossijskaya akademiya obrazovaniya, Centr sociologii obrazovaniya, 1997.
15. Kolesnikov V. “To the problem of using sign language in higher humanitarian education” (in Russian), in *Innovacionnye problemy sovremennogo razvitiya defektologii: materialy Mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii*. Moscow: Prometej, 2014. P. 13–16.

16. Petshak V. "Understanding of the causes of emotional states by deaf children" (in Russian), in: *Issledovanie lichnosti detej s narusheniyami sluha*. Moscow: NII obshchej pedagogiki, 1981. P. 35–47.
17. Sinyak V.A., Nudel'man M.M. *Features of the mental development of a deaf child*. (in Russian). Moscow: Prosveshchenie, 1975.
18. Shif Zh.I. *Language acquisition and development of thinking of deaf children* (in Russian). Moscow: Prosveshchenie, 1968.
19. Forgas J.P. "What is social about social cognition?" in: Forgas J.P. (ed.) *Social cognition: Perspectives on everyday understanding*. New York: Academic Press, 1981.
20. Schwarz N. Judgment in a social context: Biases, shortcomings, and the logic of conversation, *Advances in experimental social psychology*, 1994, 26, 123–162.
21. Schwarz N., Strack F. Social cognition and communication: Human judgment in its social context, *Social cognition*, 1991, 9 (1), 1.
22. Rogozin D. M. Cognitive analysis of a survey tools" (in Russian), *Sotsiologicheskij zhurnal (Sociological Journal)*, 2000, 3–4, 18–68.
23. Sudmen S. Bradburn N., Schwarz N. *How people answer questions. The use of cognitive analysis in mass surveys* (transl., in Russian). Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2003.
24. Clark H.H., Schober M.F. "Asking questions and influencing answers", in: Tanur J.M. (ed.) *Questions about questions: Inquiries into the cognitive bases of surveys*. New York: Russell Sage Foundation, 1992. P. 15–48.
25. Strack F. "Order effects in survey research: Activative and informative functions of preceding questions", in: Schwarz N., Sudman S. (eds.) *Context effects in social and psychological research*. New York: Springer, 1992.
26. Oliver M. *The Politics of Disablement: A Sociological Approach*. London: Palgrave Macmillan, 1990.
27. Young A., Temple B. *Approaches to social research: The case of deaf studies*. NY: Oxford University Press, 2014.
28. Holcomb T. K. Deaf epistemology: The deaf way of knowing, *American Annals of the Deaf*, 2010, 154 (5), 471–478.
29. Holcomb T. "Paving the way for reform in deaf education", in: Paul P., Moores D. (eds.) *Deaf epistemologies: Multiple perspectives on the*

- acquisition of knowledge*. Washington: Gallaudet University Press, 2012. P. 125–146.
30. De Clerck G. A. M. Deaf epistemologies as a critique and alternative to the practice of science: An anthropological perspective, *American Annals of the Deaf*, 2010, 154 (5), 435–446.
 31. Young A., Hunt R. *Research with d/Deaf people*. London: School for Social Care Research. 2011.
 32. Napier J. The D/deaf–H/hearing debate, *Sign Language Studies*, 2002, 2 (2), P. 141–149.
 33. Zaytseva G.L. *Gesture speech. Dactylology* (in Russian). Moscow: Gumanit. izd. centr VLADOS, 2000.
 34. Mayer C. What really matters in early literacy development of deaf children?, *Journal of Deaf Studies and Deaf Education*, 2007, 12 (4), 411–431.
 35. Paul P. V. *Literacy and deafness: The development of reading, writing, and literate thought*. Pearson College Division, 1998.
 36. Bazoev B. Z. Bilingualism and the education of the deaf: current trends (in Russian), *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S.Pushkina (Vestnik of Pushkin Leningrad State University)*, 2016, 4-2, 320-330.
 37. Harlamenkov A.E. “Language and mentality: the influence of sign language on the mentality of the deaf” (in Russian), in: *Nauchnye trudy instituta nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya*. Moscow: Izdatelstvo Instituta Nepreryvnogo Professionalnogo Obrazovaniya, 2015. P. 191–2017.
 38. Hauser P. C. et al. Deaf epistemology: Deafhood and deafness, *American annals of the deaf*, 2010, 154 (5), 486–492.
 39. Bogdanova T.G. *Surdopsychology: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions* (in Russian). Moscow: Akademiya, 2002.
 40. Paarek U., Rao T.V. “Crosscultural surveying and interviewing”, in: Triandis H., Draguns J.G. (eds.) *Handbook of crosscultural psychology: Vol. 6*. Boston: Allyn & Bacon, 1980. P. 127–180.
 41. Varinova O.A. “Communication of people with hearing impairments” (in Russian), in: *Psihologija bezopasnosti. Psihijatrija bez opasnosti: sb. materialov Vseros. foruma specialistov pomogajushih professij*. Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2019. P. 68–73.

42. Deniskina V.Z., Solov'eva T.A., Hieromonk Meliton. *Disabled person in the temple: helping people with hearing and vision problems* (in Russian). Moscow: Lepta Kniga, 2015.
43. Graybill P. et al. A community-participatory approach to adapting survey items for deaf individuals and American Sign Language, *Field Methods*, 2010, 22 (4), 429–448.